

Став настоящим «башкирским» помещиком, Толстой почти ежегодно посещает любимые степи. Так, в июле 1872 года он приезжает сюда всего на несколько дней для устройства имения. Вместе с ним едет яснополянский крестьянин Тимофей Фоканов, на которого возлагаются обязанности приказчика.

В 1873 году Толстой приехал в свое башкирское имение уже со всей семьей. К этому времени в семье было шесть детей: Сергей, Илья, Татьяна, Мария, Лева и только что родившийся Петя.

На хуторе они разместились в плохоньком домике, а около них, в степи, были разбиты две войлочные кибитки, в которых жил башкир Мухамедшах со своей семьей. И на этот раз Толстой не изменил своим степным привычкам: ездил на охоту и рыбалку, часами беседовал с Мухаметом Романычем и другими башкирами, играл в шашки с Михаилом Ивановичем, с удовольствием и помногу пил кумыс.

Вслед за Толстым очарованные степи почувствовала и Софья Андреевна.

Близко общаясь с башкирами, Лев Николаевич часто устранился с ними различные игры, в которых участвовали и взрослые, и дети. Сам он любил бороться с башкирами: был сильный, и ему не находилось достойных соперников. Лишь один очень крупный башкир мог потягаться с ним, и они сражались на равных.

Хорошо запомнилась эта экзотическая жизнь среди башкир Татьяне Львовне, дочери Толстого, хотя ей тогда не было и девяти лет. В своих «Воспоминаниях» она, в частности, писала: «Папа всегда умел найти общий интерес со всяким человеком, с которым встречался. С каждым он легко находил предметы для интересного разговора. С муллой он говорил о религии, с Михаилом Ивановичем шутил, с хозяевами говорил о посевах, о лошадах, о погоде... И все доверчиво и покладисто ему отвечали. После обеда мы пошли пройтись и посмотреть табуны. Мама очень похвалила хорошенькую буланую кобылку, сказав, что это ее любимая масть. А папа прибавил, что кобылка удивительно ладная... Под вечер мы распростились с радушными хозяевами и велели подавать плетушки (ездили в башкирскую деревню Карлык. — М. Р.). К первой плетушке, в которой приехали папа и мама, была привязана хорошенькая буланая кобылка, которую похвалила мама... При случае папа отдарил башкирца, дав ему несколько золотых монет-червонцев...».

А вот еще один штрих из башкирского быта Толстого. «Папа, Степа, Ханна (гувернантка. — М. Р.) и даже маленькая Маша усиленно пили кумыс, — пишет Татьяна Львовна. — С утра они отправлялись в кибитку, где их приветствовал уютно-вежливый и благообразный старый башкирец Мухамедшах Романович. Сидя на положенных на пол коврах и подушках, со скрещенными по-турецки ногами, он сначала мешал в кожаной посудине кислый и жидкий кумыс, потом наливал его ковшом из карельской березы в такую же плоскую чашу и с поклоном подносил своему гостю. Папа, бывало, возьмет чашу с кумысом в обе руки и одним залпом выпивает ее до дна, ни разу не отрывая от нее рта. А чаша большая — вместимостью в целую бутылку, а то и больше. Мухамедшах только ждет, когда папа кончит, чтобы опять налить ему вторую чашу. Иногда папа выпивает и вторую и только похваливает...».

Не только сам Толстой, но и его дети, домочадцы жили в большой дружбе и постоянном непринужденном общении с башкирами, уважительно относились к их патриар-

хальной жизни. Вот лишь один пример галантности юного башкира. «Проходя мимо одного из круглых озерок, которые составляют речку Карлык, я увидела на воде белые кувшинки, — вспоминает Татьяна Львовна. — Я пришла в восторг от вида воды и этих красивых цветов. Я попробовала дотянуться до одного из них, но не могла ни одного достать. Тогда, не долго думая, сын муллы, молодой башкирец Нагим, снял свои кожаные галоши, потом мягкие зеленые кожаные сапоги, засучил шаровары и полез в воду. Нарвав целый пук кувшинок, он подал их мне. Я не привыкла к такой учтивости и густо покраснела, принимая цветы и бормоча благодарности».

Дети Толстого помогали, как могли, при уборке урожая: в семье всегда поощрялся труд. Татьяна Львовна вспоминает, с каким увлечением собирали они колосья. «Из набранных нами снопов вымолотилось приблизительно по пуду на каждого из нас, — пишет она. — Мы были в восторге от того, что могли так много набрать...».

Лето 1873 года было засушливое, надвигался голод. Толстой немедленно пришел на помощь самарским крестьянам и башкирам. Для выяснения размеров бедствия он объехал и обошел близлежащие населенные пункты. Как заправский статистик, он произвел тщательную опись каждого десятого двора в селе Гавриловке, верность собранных сведений подтвердил подписанием старшины, священника и сельского старосты. Затем, вооруженный неоспоримыми фактами, он выступил в печати со страстным «Письмом к издателям», в котором нарисовал жуткую картину голода среди русских крестьян и башкир самарского Заволжья, брошенных царским правительством на произвол судьбы.

До письма Толстого о голоде не знали и не хотели знать не только в столице, но и в Самаре. Он первым обратил внимание широкой общественности на тяжелое положение голодного народа и призвал прийти ему на помощь. Выступление великого писателя-гуманиста произвело огромное впечатление: в 1873—1874 годах в пользу голодающих было собрано один миллион восемьсот семь тысяч рублей деньгами и двадцать одна тысяча пудов хлеба. Толстой и сам оказал значительную материальную помощь голодающему населению. Он обходил наиболее нуждающиеся крестьянские дворы, внимательно изучал их интересы и нужды, помогал беднякам, снабжая их хлебом, давая деньги на покупку лошадей. Но участие писателя в непосредственной конкретной помощи голодающим крестьянам и башкирам привело, в конце концов, к тому, что самарский губернатор повелел бузулукскому исправнику учредить негласный надзор за Толстым.

Летом 1874 года Лев Николаевич приезжал в башкирские степи со старшим сыном, одиннадцатилетним Сергеем. Поездка носила сугубо дело-

вой характер и была непродолжительной. Зато на следующее лето, в 1875 году, в хутор на Тананыке отправилась вся семья Толстого. Зимою писатель был занят напряженной творческой работой над романом «Анна Каренина», «Азбукой», обременен другими заботами и потону, чувствуя себя переутомленным, он ехал в башкирские степи с большим желанием.

Жизнь в степи, где Толстой провел по существу все лето, оказала на него благотворное влияние. Он умел отдыхать свободно, раскованно и вместе с тем активно. Софья Андреевна писала 20 июня сестре Т. А. Кузминской, что Толстой «отпивается кумысом, пропасть ходит», что «он здоров, загорел до черноты; конечно ничего не пишет и проводит дни или в поле, или в кибитке башкирца Мухамедшаха». В конце июня Толстой ездил на ярмарку, где закупал лошадей. «В самарском имении, по замыслу отца, — вспоминает сын писателя Сергей Львович, — должен был быть большой конский завод».

Зная любовь башкир к конским состязаниям, Толстой решил устроить скачки с ценными призами. Весть об этом быстро облетела окрестные деревни, и в назначенный день, 6 августа, съехалось несколько тысяч башкир, казахов, уральских казаков и русских крестьян. Хорошо подготовленные, эти скачки превратились в большой праздник. Собравшиеся, участники и зрители два дня пировали, пили кумыс, ели баранину, конину; не умолкая, звучали песни. Устраивались борьба и другие состязания, в которых активное участие принимал и Толстой. По утверждению очевидцев, он «был сильнее всех и на палке перетягивал всех башкирцев».

В следующем, 1876 году, писатель со своим племянником Николаем Васильевичем Толстым предпринял деловую поездку в Оренбург. Только что было закончено сооружение железнодорожной линии от Самары до Оренбурга. Толстой прибыл в Самару 7 сентября и сообщил жене: «Нашел Болля, он устроил мне билет по железной дороге в Оренбург, и мы нынче едем». Николай Болля, бывший учитель яснополянской школы, в то время служил в Самаре на железной дороге. И Толстой, таким образом, оказался одним из первых пассажиров новой, официально еще не открывшейся магистрали. Поездка носила не только хозяйственный характер (покупка лошадей), но связывалась и с творческими замыслами, давно будоражившими воображение писателя. Он интересовался Оренбургским краем и его прошлым, в особенности — временем Перовского. (Граф Василий Алексеевич Перовский был крупным военным и государственным деятелем, дважды — в 1833—1842 и 1851—1857 годах — управлявшим обширной Оренбургской губернией, в состав которой в ту пору входила и Башкирия).

М. РАХИМКУЛОВ.